

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94 (571.54)

Л. Ц. Малзурова

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОГО НАРОДА В БУРЯТСКИХ ПРЕДАНИЯХ

В последнее время в центре внимания исследователей находится проблема присоединения Сибири к России. Процесс присоединения явился закономерным следствием политики Русского государства, о чем отмечается у Е.М. Залкинда: «В XVI–XVII вв. Русское государство отодвигает свои границы далеко на восток. Создание централизованного государства требовало обеспечения его безопасности от вторжения кочевников из азиатских просторов, которым русская земля подвергалась неоднократно на протяжении своей истории» [1, с. 15.]

Присоединение Бурятии, как и Сибири в целом, явилось достаточно длинным по времени и сложным по содержанию историческим процессом [1, с. 15; 2; 3].

«Миграционные процессы, начавшиеся в конце XVI в. и приведшие к массовому переселению крестьян из различных районов России в Сибирь и на Дальний Восток, а также внутрисибирская миграция населения обусловили совместное проживание на одной территории (в данном случае Забайкалья) русских и бурят» [4, с. 135], что незамедлительно повлекло за собой проявление особенностей в языке, фольклоре. Происходит обогащение фольклора обоих народов заимствованными мотивами и сюжетами. В бурятской среде появляются повествования об отношениях с переселенцами, неприязни чужой веры, о людях, чья непосредственная служба была направлена на развитие добрососедских отношений с населявшим этот регион народом.

Сложными и противоречивыми были взаимоотношения между коренным населением — бурятами — и русскими первопроходцами. В силу понимания необходимости подчинения воле русского царя и принятия как следствие покровительства со стороны российских властей в столкновениях с монголами буряты вначале были благосклонны и терпеливы к пришельцам [1, с. 21]. Отношение к ним начинает меняться из-за частых проявлений жестокости и несправедливости с их стороны [1, с. 15–46], вследствие чего вспыхивали стычки казачьих отрядов с местными племенами.

Притеснения со стороны русских служивых вынудили бурятов принять решение о депутации своих представителей в стольный град к Петру Первому в поисках понимания и защиты. Основная цель данной поездки заключалась в положительном решении земельного вопроса и документальном закреплении за бурятами права владения «породными землями» и ограждении от посягательств царских чиновников. Петр Первый подписал грамоту-указ, в соответствии с которой за хори-бурятами были навечно закреплены их кочевые «породные земли».

Основу исторических преданий, как известно, составляют события, наиболее примечательные для какого-то конкретного региона или оставившие заметный след в жизни местного населения. Поездка делегации от хоринского племени в 1703 г. явилась значимым событием в истории бурятского народа и нашла свое яркое отражение в многочисленных преданиях.

Бытует также немало повествований о людях, сыгравших определенную роль в истории бурят, в том числе о представителях русского народа, деятельность которых была направлена на налаживание контактов с местным населением, таких, как Алексей Шергин, Федор Головин, Савва Рагузинский.

Алексей Шергин, нерчинский приказчик, согласился помочь хоринцам и быть проводником и переводчиком в пути. Он присоединился к делегации в Иркутске, что подтверждается народным повествованием «Батан Тураахин тухай» [5, с. 92]. Приводим отрывок из предания: *«Батан Тураахин Дэлгэр галзууд хун. 1702 ондо хори бурядад тулөөлэгшид эзэн хаанай хото ошоходоо, гурбан жэлдэ хүрэхөөр хоол абажа ошоһон байна. Жэиээлхэдэ, хониной мяха хууража үнхэлсэг соонь багтаажа абаһан. Эндэнээ гарахадаа, аба хайдагай ёһоор намар гараһан ха, харгыда агнаһаар. Эдээнтэй Нэршүүгэй Шэргин гэжэ ород хун оршуулагшаар ябаһан байгаа»* (Батан Тураахин, предводитель из рода галзут. Отправляясь в 1701 г. к царю, представители хоринского племени набрали продуктов с запасом на три года. К примеру, сушеное баранье мясо положили в кожаные мешки. Выехали они осенью, по дороге промышляли охотой. Переводчиком с ними был Шергин из Нерчинска. — *Перевод наш*) [5, с. 92]. Дорога до цели была трудной, долгой. Все понимали ответственность миссии сопровождающего. Искреннее сочувствие тяжелому положению бурят, исключительная добропорядочность отправили Алексея Шергина в дальнюю поездку.

По преданиям, определенную роль в успехе поездки бурятской делегации в Москву сыграл и граф Ф. А. Головин, русский дипломат и государственный деятель, генерал-адмирал, подданный царя. В период пребывания в Забайкалье он снискал уважение со стороны местного населения за свою порядочность, справедливость в решении спорных вопросов. Как пишет Ш. Б. Чимитдоржиев: «Федор Алексеевич Головин (1650–1706), глава российского посольства, отправленного правительством царевны Софьи для переговоров с представителями цинского Китая по пограничным (территориальным) вопросам. Как известно, в результате сложных переговоров был подписан в 1689 г. Нерчинский договор» [6]. «К приезду в Москву делегации хори-бурят в начале зимы 1703 г. граф был самым приближенным к царю государственным деятелем и находился, к счастью хоринцев, в стольном граде. Руководители бурятской делегации зайсаны Бадан Туракин, Дасги Бодоров, Ачихай Сагдаев, как предводители хоринских родов во время пребывания Головина в Забайкалье, конечно, были знакомы с ним и пользовались его доверием. Поэтому он помог старым знакомым встретиться с царем» [7].

Участие в успешной миссии хоринцев представителей русского народа Андрея Шергина и Федора Головина высоко оценено в народных повествованиях, которые в силу

исключительного уважения народа к этим историческим лицам и в настоящее время передаются от слушателя к слушателю, что подтверждается современным их бытованием. В 2003 г. у жителя Тункинского района Ш. Д. Байминова нами записаны предания о Федоре Головине, Андрее Шергине, Савве Рагузинском.

Савва Рагузинский своей прозорливостью на посту государственного деятеля и умением налаживать отношения с местным населением оставил глубокий след в памяти бурятского народа. Он был русским послом, доверенным лицом Петра Первого, уполномоченным для установления восточных границ Российского государства.

Как отмечает Е. М. Залкинд, «первые попытки внесения строгого порядка во взаимоотношения с коренными жителями края и регламентации внутреннего их управления связаны с деятельностью русского полномочного посла графа Рагузинского» [8, с. 140]. Благодаря его дипломатическому таланту были подписаны Буринский, Кяхтинский договоры. В переговорах вместе с графом Рагузинским с русской стороны участвовали предводители бурят, а также тунгусов. В этом заключается, безусловно, неоспоримая заслуга Рагузинского. Он сумел привлечь представителей коренного населения к столь важным для России дипломатическим переговорам, оказав доверие новым российским подданным. У Е. М. Залкинда находим: «Главным мотивом политики Рагузинского по отношению к бурятам было стремление нормализовать условия их существования, превратить нойонов в послушное орудие местной администрации и тем самым обеспечить исправный сбор ясака. Конечно, графом руководили и некоторые другие соображения. В частности, он считал возможным привлечь бурят, как и тунгусов <...>, к охране границ» [8, с. 141–142].

Во всех вариантах бурятских повествований о миссии и деятельности Саввы Рагузинского подчеркивается огромная его заслуга в мирном решении русско-монгольского и русско-китайского вопросов. В одном из них говорится о том, что Гун Сакба (так назвали в народе Савву Рагузинского) у подножья Серебряной горы водрузил вечный столб (имеется в виду столб, символизирующий границу (*Мунгэтэ уулын хормойдо мунхэ гадаһа хадхаһан Гүүнэй Сакба*) [5, с. 123]. В данной предании описывается спор между послами — Гун Сакбой и Сэсэ Уганом (представитель монгольской стороны) о том, кому должна отойти *Мунгэтэ уула* (Серебряная гора), которая оказалась в центре проведения русско-монгольской границы. «*Мунгэтэ уулая хубаахадаа, Гун Сакба Сэсэ Уугаандаа хэлээ:- Гунан үхэри арһани зэргын газар Мунгэтэ Уулада орой дээрэнһээ намдаа үгөөдхи, арһанда багтаагүй саашанхи газарын танай болуужан. Тиихэдэнь: «Гунан үхэрэй арһани зэргэхэн газараар юу хэхэб гэжэ һанааб даа», — гэжэ энеэдэниинь хүрэжэ, энеэн хаһад, Сэсэ Уугаан — үхэб», — гээ. Тэрээгээрэ дууһаад, хэрэг саарһандаа гар хүлөө табилсаад, иигээд зэбтээ орообди гэлдэбэ. Гунан үхэрэй арһае асараад, газар дээрээ табяад хэмжэхэдэ, Гүүн Сакба арһаа нарииханаар зүһөөд, бутуулээд, Мунгэтэ уулая оройдо табяад, тэлээд, тэрэ нарииханаар зүһэшэн арһаяа Мунгэтэ уулая орой руу углажа оробо. Тиихэдэнь тэрэ арһаниинь Мунгэтэ уулая бариинь бүһэлжэ абаихээ. Тиигээд тэрээнһээ сааихэ багтаагүй хормойн Сэсэ Уугаанай боложо таһарба ха. Тиихэдэ Сэсэ Уугаан гунан үхэрэй арһанай зэргын газар үхэб гэжэ хэлэн хүүртээ торожо, Мунгэтэ уулая Гүүн Сакбадаа үгэжэ һалаба» (При разделе Серебряной горы Гун Сакба предложил Сэсэ Угану выделить ему клочок земли размером с бычьей шкурой на вершине горы. В ответ Сэсэ Уган, посмеиваясь, согласился. На этом и порешили, скрепили соглашение подписями. Изрезав шкуру в длинную ленту, Гун Сакба опоясал Серебряную гору и сумел отвоевать ее у Сэсэ Угана. — *Перевод наш*) [5, с. 121]. Этот отрывок из предания*

подчеркивает находчивость русского посла Саввы Рагузинского. Понимая всю ответственность возложенной на него миссии в проведении русско-монгольской границы, он не мог допустить, чтобы Серебряная гора отошла соседям, поэтому решился на маленькую хитрость, которая и помогла в положительном исходе дела.

В другом варианте предания о Савве Рагузинском, записанном нами у рассказчика Байминова, его называют не Гун Сакба, как в предыдущем варианте, а Гун Савва. В повествовании наряду с положительными его качествами как русского посла выявляются и такие отрицательные черты, как жадность, взяточничество. Получив бочку с серебром от монгольских послов, он уступил значительную часть тункинской территории монгольским властям. Данный вариант по содержанию близок выше упомянутому преданию, в нем повествуется о судьбе бурята Шилдэй Занги, волею судьбы оказавшегося по ту сторону границы, у монголов. Шилдэй Занги был уверен, что письмо с его предложением о предполагаемом месте границы, отправленное Гун Савве, понято и решение о переходе земель Черные Кони и Золотые Седла Российскому государству уже принято. Содержание письма было иносказательным: «Берите шесть черных лошадей, седлайте их в золотые седла». Тайный смысл письма остался нераскрытым, и российская сторона не предприняла попытки отстоять названные земли, которые остались за Монголией, а Шилдэй Занги, как нарушитель границы, был казнен. Истинное содержание послания заключалось в следующем: Шилдэй Занги предлагал представителям российской стороны в проведении российско-монгольской границы отстоять реку Хара мурэн и гору Эмэлтэ, границу проложить, охватив именно эти местности [9].

Предания данного цикла проливают свет на смутное время — период установления российских восточных границ и на взаимоотношения русских посланцев с местными жителями.

К середине XVII в. территория Западной Бурятии в основном была подчинена русским. Буряты платили ясак, жили под запретом иметь какие-то отношения с монголами, но и принятие условий русских не было гарантией спокойной жизни. В этот период приангарскими бурятами управляли должностные люди царской администрации: воеводы, приказчики. Началось повсеместное принудительное крещение бурят. Особенно изощренными методами действовал Иван Похабов, который неистовствовал по Приангарью от Братска до Балаганска. В народе называли это время «эпохой правления страшного Багаба хана» (Ивана Похабова). По данным, приводимым Ж. А. Зиминим, Похабов крестил бурят следующим образом: «Просекши на льду Ангары прорубь, Похабов сгонял к ней толпы бурят и буряток. Когда наступал момент погружения в воду, казаки связывали бурят человека по два, по три, прикрепляли эту вязанку к середине длинной жерди, брали за концы и по данному знаку три раза погружали в воду» [10]. Буряты после крещения становились холопами воевод, приказчиков, атаманов. Ясачные буряты считались царскими людьми и платили ясак.

Ж. А. Зимин считает, что с принятием христианства у бурят расширились связи с русским населением, семейно-брачные, хозяйственно-бытовые. Дети получали возможность учиться в церковно-приходских училищах, происходило заимствование имен, одежды, способов приготовления пищи и других элементов материальной и духовной культуры [10]. Немаловажную роль в стабилизации отношений русских с коренным населением сыграл царский указ в середине XIX в. об освобождении бурят от всех видов податей, повинностей в течение трех лет после принятия ими православной веры.

В давние времена в Закамне (ныне — Закаменский район Республики Бурятия) русское население представляло собой казачье войско, которое прибыло сюда для охраны восточных границ Российского государства. По долине реки Джиды от Николаевской станицы до Санаги были расположены казачьи дозоры. Проживая по соседству, представители обоих народов перенимали друг у друга обычаи, традиции. Одно из преданий, опубликованное В. Ш. Гунгаровым [5, с. 86] рассказывает о горе, именуемой *Ундэр Баабай* («Высокий, высокочтимый отец»), местные жители еще называли гору Ехэ Дабан, что переводится как «Большой перевал». По преданию, молодой казак вместе с беременной женой верхом на верблюде спасался от преследователей из Монголии. Недалеко от Большого перевала у жены начались предродовые схватки, и они вынуждены были укрыться в скалах. Преследователи проходили уже мимо, как вдруг заревел верблюд. По крику тут же нашли беглецов и расправились с ними на месте. Дух убитого казака превратился в хозяина этой горы, именуемой после данного события *Ундэр бабай*. С тех пор, говорят в народе, хозяин горы наложил строгий запрет-табу на верблюдов, они почему-то не приживаются, а также не приветствовалось появление женщин в данной местности (они не имели права переходить через этот перевал, а обходили его дальней северной стороной через так называемый Женский перевал — *Эмгэдэй дабаан*). Долгие годы улечинцы свято соблюдали табу, и только после войны жители улуса Улекчин всем миром пригласили ламу высшего ранга и совершили большой молебен. Уговорили *Ундэр Бабай*, чтобы разрешил беспрепятственно проходить, проезжать через перевал всем мужчинам и женщинам. Когда изредка *Ундэр Бабай* показывается людям, он предстает в облике высокого русского мужчины в казачьей форме верхом на вороном коне в сопровождении жены-монголки. Он, считается, покровительствует служивым людям. В годы Великой Отечественной войны ушли на защиту родины 135 улечинцев, из которых не вернулись домой 65 человек. Погибших могло быть больше, если бы воины мысленно не обращались к *Ундэр Бабаю*. Фронтвики рассказывали, что в самые опасные моменты боя вдруг перед ними возникал образ казака на вороном коне, указывающего на безопасное место. Каждый год юноши перед отправкой на действительную военную службу берут камни-обереги со святой горы. В начале лета совершается здесь молебен, затем устраиваются *Эрын гурбан наадан* (Три мужских игрища) [5].

Повествование отражает время установления границы между Россией и Монголией, сложные взаимоотношения между соседствующими народами.

Знаменательные события, имевшие место в жизни бурятского народа, нашли свое отражение в его исторических преданиях, в частности поездка хоринской делегации к Петру Первому, проведение русско-китайской, русско-монгольской границ, принятие бурятами христианства. Бурятские предания сохранили и донесли до нас важные сведения об участниках этих событий, сыгравших немаловажную роль в истории народа. Такие представители русского народа, как Андрей Шергин, Федор Головин, Савва Рагузинский, своим участием в судьбе бурят снискали уважение, а Иван Похабов в силу жестокости к местному населению получил осуждение, о чем и повествуют народные предания.

Литература

1. *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958.
2. *Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г.* Присоединение Бурятии к России // Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г. Бурятия. История (XVII–XIX вв.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. С. 4–26.

3. Цибиков Б. Д. Добровольное вхождение Бурятии в состав Российского государства // 300 лет нерушимой дружбы : Сб. ст. Улан-Удэ: Бур. кн.изд-во, 1959. С. 23–39.
4. Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 219 с.
5. Гунгаров В. Ш. Буряад арадай түүхэ домогууд. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1990. 175 с.
6. Чимитдоржиев Ш. Б. Биография выдающихся бурятских деятелей. Бурят-монгол на службе у Петра Великого. Михаил Сердюков (1678–1754). Улан-Удэ, 2008.
7. Цыбикдоржиев В. Граф Ф. А. Головин // Угай зам. 2003. № 3. С. 9.
8. Залкинд Е. М. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1968. С. 140–149.
9. Гүн Савва тухай / Записано от Ш. Д. Байминова, 1926 г.р., жителя с. Кырен Тункинского района Республики Бурятия, 2003 г. [Архив автора].
10. Зимин Ж. А. История Аларского района. Иркутск, 1995.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.